

Ван Иньбао тут же направился к дому старосты, не забывая при этом осторожно прятаться. Он часто играл с Сяо Чжуцзы и другими ребятами в прятки и отлично знал деревню, поэтому скрываться было нетрудно.

Вскоре он добрался до дома старосты. Приникнув к щели в воротах, он заглянул внутрь. Во дворе горел костер, а над ним лежал ребенок — его лицо, лицо его брата. Ван Иньбао сжал кулаки так сильно, что прокусил губу, лишь бы сдержать крик. Он не мог позволить съесть брата! Не мог! Он вспомнил родителей, дедушку с бабушкой, многих других односельчан — он не должен допустить, чтобы их всех съели!

В этот момент взгляд Ван Иньбао упал на стог сена во дворе. Такие стога были в каждом хозяйстве, их в деревне было полно, как и дров, сложенных у домов. Ван Иньбао тут же побелел к соседям и нашел огниво. Свет пламени озарил его лицо, но страха не было. Брат говорил: если случится пожар, нужно прикрыть рот и нос влажной тканью. Воды найти не удалось, но брат учил, что подойдет и моча.

Он обмотал лицо тряпкой, поджег поленицу, затем саму постройку — огонь разгорался стремительно. Схватив горящую палку, он швырнул ее в стог сена, и пламя мгновенно взвилось до небес. Послышались соседские проклятия. Ван Иньбао было страшно, но ненависть пересиливала. Наступив на заранее сложенные стол и стулья, он вскарабкался на стену.

Во дворе трое мужчин в панике вскочили на ноги, собирая вещи и собираясь бежать. Ван Иньбао, держа в обеих руках горящие палки, швырнул их в стог сена и поленицу, после чего спрыгнул вниз и схватил еще две. Огонь уже разгорелся не на шутку, и Ван Иньбао не знал, удастся ли ему выбраться. Он лишь упрямо поднял связанные сухой травой дрова и перебросил их через забор.

В этот миг люди во дворе поняли: это не случайный пожар, кто-то пришел по их души. Трое мужчин, схватив еду и ребенка, бросились к дверям, но те никак не открывались. Ван Иньбао заблокировал их снаружи палкой. Дерево было тонким, и они рано или поздно выломали бы дверь, поэтому мальчик принялся метать горящие дрова прямо к порогу.

Трое мужчин стояли рядом, когда с неба на них обрушились два факела. Их одежда вспыхнула мгновенно. Бросив провизию и ребенка, они покатались по земле, пытаясь сбить пламя. Ван Иньбао же продолжал закидывать их дровами и сеном. Огонь становился все яростнее, руки Ван Иньбао обожгло, но он лишь смотрел на костер, где лежал брат, и, слушая вопли троих негодяев, швырнул последнюю палку. Она сбила конструкцию костра, и тело брата окончательно скрылось в огне. Ван Иньбао подумал, что превратиться в пепел лучше, чем быть съеденным этими мерзкими тварями.

Дома в деревне стояли вплотную, многие — с соломенными крышами. Пламя быстро перекинулось с одного на другое, и бродягам, рыскавшим по деревне, пришлось спасаться бегством. Убегая, они проклинали того, кто так неосторожно устроил пожар. Проходя мимо дома старосты, они слышали крики о помощи изнутри, но никто не потрудился вытащить палку и открыть дверь. Хотя это было проще простого, все делали вид, что ничего не замечают.

Поняв, что во дворе больше не осталось палок, Ван Иньбао взял два факела, найденных на кухне, и вернулся к соседскому дому. Палка, державшая дверь, наполовину прогорела, и Ван Иньбао стал ждать. Крики троих мужчин становились все тише. С грохотом палка сломалась, и один из горящих людей выполз наружу. Дрожащими руками Ван Иньбао ткнул факелом ему прямо в лицо. Тот взвыл и, закрывая лицо, покатился по земле. Мальчик притащил стог сена, бросил на человека и снова прижал факел. Двое оставшихся во дворе уже задохнулись от дыма. Ван Иньбао забросил внутрь еще несколько охапок сена, чтобы убедиться, что огонь не погаснет, а затем с факелами в руках отправился поджигать деревню повсюду.

Благодаря стогам сена и сухой погоде деревня полыхала быстро. Добравшись до своего дома, который был кирпичным и еще не занялся, он поджег и его. Он не мог защитить тела родных, единственное, что оставалось — сжечь их дотла.

Вся деревня Таохуа пылала. Лю Сяохуа, сжимая в руках найденную еду, смотрела на этот огонь и думала, что так даже лучше. Сгорело — значит, концы в воду, это лучше, чем стать чьим-то обедом. А бродяги, пришедшие в Таохуа в надежде пожить, с сожалением сменили цель. Поток мародеров наконец иссяк, и в деревне воцарилась тишина.

Ван Иньбао сидел на камне, не сводя глаз с горящей деревни. Руки нестерпимо болели, но больше не было никого, кто пожалел бы его или приласкал. Больше никто не назовет его Сяо Бао. Слезы снова покатились из глаз. Он смотрел вдаль, не зная, куда идти. Но мать говорила, что он должен спрятаться и выжить. Ван Иньбао подумал, что может отправиться в город к сестре или найти старосту. Староста наверняка позаботится о нем — он всегда помогал сиротам.

Ван Иньбао вдруг понял, куда пойдет. Он поднялся, отряхнул одежду и решил сначала добраться до города к сестре, а потом отправиться на юг на поиски старосты, Сяо Чжуцзы и других жителей деревни.

Когда огонь погас, Ван Иньбао собрал черный пепел, оставшийся от брата, родителей, бабушки, бабушки и других родных. Он выкопал яму и похоронил их. Ван Иньбао было десять лет, он уже начал учиться грамоте, но писать умел мало. Он нашел камни и выложил их в форме знаков над маленькой могилой. Сжимая на шее амулет долголетия, он поклялся, что обязательно вернется и тогда перезахоронит всех по-человечески.

Когда Ван Иньбао вышел из руин своего дома, он увидел, что с горы спускаются люди. Четверо чумазых детей и двое взрослых. Ван Иньбао подошел к бабушке Хуа, поблагодарил ее, закинул за спину узелок и собрался уходить.

Вдова Ян, державшая на руках дочь, спросила: Ты не собираешься спрятаться в горах?

Ван Иньбао покачал головой: Я должен найти старосту.

Вдова Ян была поражена: Ты еще ребенок, как ты догонишь старосту?

Ван Иньбао не знал ответа: Но если остаться здесь, без воды и еды, я точно умру.

Лю Сяохуа, которая все это время слушала их, давно жалела, что не ушла со старостой. Теперь догнать его было невозможно. Реки и колодцы в деревне пересохли, как и горные ручьи. Остаться здесь значило медленно умирать. Лю Сяохуа взяла за руки двух внуков: Я тоже пойду. Иди со мной, я все-таки взрослая.

У этого внука семьи Ван наверняка припрятано что-то ценное. А без денег в бегах не выжить. К тому же, она оказала ему услугу, так что попросить денег — не грех. Так думала Лю Сяохуа.

Услышав, что тетушка Хуа собирается в путь, вдова Ян тут же захотела присоединиться. У нее никогда не было своего мнения: раньше слушала мужа, потом свекровь, а теперь свекрови не стало. Ей было очень страшно, а тетушка Хуа, как ни крути, была опытнее и сильнее ее. Но только вдова Ян открыла рот, как ее дернул за рукав сын. Ян Ань сказал: Мы не пойдем, мы останемся в горах.

Лю Сяохуа было все равно — вдова Ян была еще беднее ее, да еще и с трехлетней дочкой, без них даже лучше. Ей был нужен только Ван Иньбао.

<http://bllate.org/book/19065/1872173>